

У Цзи Яо был секрет. Секрет, о котором не догадывался даже Чжан Хэ.

Чжан Хэ всегда казалось, что Цзи Яо ведёт себя с Вэнь Линем на редкость противоречиво. Тот без конца твердил, будто и пальцем не желает трогать Вэнь Линя, но при этом то и дело принимался заигрывать с ним. На словах собирался отпустить, а на деле лишь затягивал петлю туже.

Чжан Хэ, с одной стороны, невольно презирал Вэнь Линя за бесхребетность, с другой — искренне ему сочувствовал, и оттого выходки лучшего друга злили его всё сильнее. Цзи Яо любил заявлять, будто покоряет чужие сердца исключительно природным обаянием и ничего не может поделать с чужой влюблённостью. Однако для прямолинейного Чжан Хэ друг оставался обычной сукой.

Но он не знал главного: этот невыносимый Цзи Яо относился к Вэнь Линю со всей искренностью.

Чувства Цзи Яо к Вэнь Линю напоминали тугой узел. Он действительно не хотел переступить черту, но за долгие годы успел привыкнуть к мысли, что этот послушный юноша — его безраздельная собственность. И когда пришло время разжать пальцы, его грудь сдавило так, словно внутри вот-вот рванет пороховой заряд.

Вэнь Линь ведь принадлежал ему.

Только вот Вэнь Линь был человеком, а не вещью. Всего лишь несчастным глупцом, который по слепоте своей полюбил кусок дерьма. И Цзи Яо понимал: пользоваться этой слепотой, заманивая жертву в паутину всё глубже и глубже, — последнее дело.

Разумом он всё понимал, но от этого было не легче. Глухая, удушающая беспомощность, которой он никогда не испытывал ни с одним из своих многочисленных любовников, рвала его на части.

И Цзи Яо прекрасно знал её причину. Сказались годы зыбкой, липкой двусмысленности, которую они именовали дружбой. Но было и кое-что ещё. Тот самый секрет: когда-то давно он...

После того как его обман с женским персонажем раскрылся, тот немногословный воин из игры стал ещё холоднее. Сколько бы Цзи Яо ни распинаясь, доказывая, что вовсе не замышлял ничего дурного, собеседник оставался непреклонен: его отношение так и сквозило презрением — мол, с твоей гнилой репутацией и говорить не о чем.

В рейдах они созванивались в голосовом чате, но общались странно: Цзи Яо говорил в микрофон, а воин отвечал исключительно текстом. На унылые расспросы Цзи Яо, почему тот упорно молчит, прилетел лаконичный ответ: «Не хочу разговаривать с подонками».

Цзи Яо только и оставалось безмолвно выругаться про себя.

«Ладно, ладно. Твоя взяла. Играешь ты божественно, так что можешь строить из себя кого угодно»

Когда воин узнал, что за женским аватаром скрывается парень, Цзи Яо как-то раз случайно обмолвился о Вэнь Лине. Собеседник внезапно взорвался гневом и яростно застучал по клавишам:

— Чего ты постоянно о нём талдычишь?

Цзи Яо неловко прикусил язык. Решив, что обычному натуралу просто противно слушать, как один мужик без конца поминает другого, он пробормотал в микрофон:

— Ну... я думал, ты давно догадался. Я гей.

В реальной жизни каминг-аут требует немалого мужества, но по ту сторону экрана признаться в своей ориентации — пара пустяков.

Собеседник надолго замолчал. Наконец в чате появилась строчка:

— Ты любишь его?

— Что за дурацкий вопрос? — удивился Цзи Яо. В его голосе послышалось искреннее недоумение. — Пускай моя любовь ничего не стоит, но да, люблю. Он отличный парень и мой лучший друг, как мне его не любить?

Сидя перед монитором, Вэнь Линь задрожал. Он невидящим взглядом уставился на мерцающий экран и спустя минуту медленно набрал:

— Тогда почему?

Этот нелепый, вырванный из контекста вопрос должен был поставить в тупик, но Цзи Яо мгновенно всё понял.

«Ну и любопытный же тип мне попался»

Впрочем, вся эта грязь слишком долго копилась у него внутри. Чжан Хэ отмахивался и слушать не желал, другим открыться он не смел, и со временем наблевшее начало просто гнить в душе.

А тут подвернулся слушатель. И пускай этот парень по ту сторону экрана просто развлекается под Новый год чужими откровениями — какая разница? Всё равно они друг друга не знают. Мир огромен, страна огромна, столкнуться вживую на улице шансов практически нет, даже если бродить по ней целую вечность.

К тому же на дворе стоял канун Нового года. Скоро нужно будет садиться за праздничный стол, соваться в подземелья уже не имело смысла, так почему бы просто не поболтать, пока персонажи стоят в режиме ожидания?

Поколебавшись, Цзи Яо всё же решился на честность:

— Потому что не посмел.

Вэнь Линь оцепенел.

Словно почувствовав замешательство на том конце провода, Цзи Яо замолчал. Он опустил взгляд на свои ладони и принялся задумчиво тереть жесткие мозоли — след от игры в баскетбол.

— Открою тебе один секрет, — заговорил он тише. — Как-то раз я сидел на трибуне у корта и смотрел, как этот парень гоняет мяч. Он тогда ещё сох по мне втайне. И вот он забивает трёхочковый, оборачивается и улыбается мне. Чёрт, это было так красиво, что у меня дыхание перехватило. Не смейся только, но я в тот миг подумал: «Господи, почему я не девчонка?» Был бы я девчонкой, мне хватило бы смелости признаться, и мы могли бы быть вместе.

Цзи Яо всегда вёл себя с Вэнь Линем паршиво: то приближал, то отталкивал, юлил, то решал отпустить, то снова затягивал обратно на короткий поводок. И дело было не только в старой привычной дружбе. Главная причина крылась в том, что когда-то он по-настоящему любил Вэнь Линя.

Этого пресного, лишённого всякой искры, скучного, как стакан тёплой воды, и банального до зубного скрежета Вэнь Линя.

Вэнь Линь не умел шутить и балагурить, его внешности и характеру отчаянно не хватало мужской жесткости, к тому же у него имелась куча раздражающих привычек. Например, стоило Цзи Яо взять стакан ледяного молочного чая, как этот зануда тут же оборачивал его бумажной салфеткой, чтобы пальцы не мёрзли. Смех да и только! С чего он взял, что великому искусителю Цзи Яо нужна подобная забота?

Но именно этот человек всегда относился к нему бережно. Он никогда не загонял его в угол, умел плакать, смеяться, краснеть от смущения и злиться, но ни разу в жизни не причинил ему боли. Непоколебимый Юй Сюань весь состоял из острых углов — пытаюсь их обтесать, они оба изранились до крови. Гордый Цзян Цютун никогда не опускал головы, и даже редкие минуты его слабости выглядели как снисходительное одолжение свыше.

Цзи Яо обожал азарт и новизну, упивался властью, перекраивая любовников под свои вкусы, чтобы затем безжалостно выбросить их из жизни. Его мания коллекционирования любовников крепла день ото дня, фавориты сменяли друг друга, один колоритнее другого, и на приручение каждого уходили недели упорной борьбы. И лишь презираемый, неприкосновенный Вэнь Линь, к которому Цзи Яо не смел и не желал прикасаться, сам добровольно вырвал все свои шипы, сгладил шероховатости характера и безропотно раскрыл объятия навстречу.

Цзи Яо насмеялся над этим великодушием, но в глубине души его скребли кошки. Он прослыл холодным циником, умеющим искусно имитировать страсть, и даже Чжан Хэ не подозревал, что в этой пустой груди всё ещё теплится что-то живое.

Цзи Яо прикрыл глаза, потирая веки шершавыми подушечками пальцев, и заговорил тише, будто лишаясь последних сил:

— Он натурал. Я не хотел совращать его, не хотел тащить за собой в эту грязь. Нам лучше оставаться приятелями. Обычными знакомыми. Идеально — если бы он держался на расстоянии. Изредка вместе поужинать, перебраться парой слов на баскетбольной площадке, поддерживать ни к чему не обязывающие отношения. Этого вполне достаточно.

— Но он же набитый дурак! Тот же Вэй Лань — мой бывший, упрямый как баран, — когда я его бросил, хотя бы догадался съездить мне по физиономии. А этого парня я водил за нос столько лет, а он в ответ всего лишь плеснул в меня кофе. Ну смешно же, чашка кофе! Никакого вреда. С моей-то толстой шкурой: умылся, отряхнулся и пошёл дальше развлекаться. Вечером уже вовсю тусовался.

Цзи Яо закрыл лицо ладонью, пряча нахлынувшие эмоции. Его длинные пальцы зарылись в волосы, окончательно растрепав аккуратную укладку.

В тот день, когда он решился обо всём рассказать, он подгадал время под конец лекций Вэнь Линя. Встал ни свет ни заря, трясся несколько часов в душном междугороднем автобусе, потом ловил такси — добирался на перекладных через весь пригород. И всю дорогу его терзали сомнения. Действительно ли стоит отпустить его? Нужно ли признаваться? Неужели нет иного выхода?

Ему отчаянно не хотелось терять Вэнь Линя, ведь стоило раскрыть карты — и между ними всё будет кончено навсегда. Навеки закроется даже путь к простой дружбе.

Он стоял у ворот университета, поджидая, когда закончится последняя пара. На улице стоял собачий холод, тротуары завалило сугробами, и ледяная сырость постепенно пробиралась сквозь подошвы обуви. Он ооченел так, что не мог пошевелить пальцами.

«До чего же холодно»

А следом пришла другая мысль: неужели Вэнь Линь испытывал то же самое каждый раз, когда

мчался к нему через весь город?

В любую погоду, изнывая от летнего зноя или замерзая под проливным осенним дождем.

«Ладно, хватит с него. Отпущу. Считаю, сделаю доброе дело»

И в итоге вернулся домой, пахнувший дешёвым кофе.

В наушниках царила мёртвая тишина. Собеседник упорно молчал, и Цзи Яо тоже не спешил продолжать. Спустя долгие минуты молчания он глухо, невпопад повторил:

— Было бы куда проще, родись я девчонкой.

В самом начале пубертатного периода, когда тайное знание о собственной природе только обрушилось на него, Цзи Яо чувствовал себя потерянным. Ему с раннего детства казалось, что он отличается от сверстников, но когда эта инаковость подтвердилась, он возненавидел свои предчувствия всей душой.

В первом классе средней школы им задали сочинение на тему «Кем я хочу стать». Чжан Хэ, уже тогда отличавшийся завидной выправкой, старательно выводил на листе: «Я хочу стать Майклом Джорданом». Но стоило ему скосить глаза в тетрадку маленького Цзи Яо, как он обомлел. Тот написал: «Я хочу быть девочкой».

Конечно, Цзи Яо потом разорвал те листы в клочья и сдал обычную, ничем не примечательную отписку о том, как мечтает работать учителем.

Потому что к тому моменту он уже твёрдо усвоил: мальчику хотеть стать девочкой — это постыдная, непростительная странность.

Цзи Яо не позволил себе надолго завязнуть в омуте воспоминаний. Он с силой провёл ладонями по лицу, собираясь перевести разговор на другую тему, как вдруг пискнул телефон. Пришло сообщение от Чжан Хэ:

[Хватит торчать у себя в комнате. Быстро спускайся, пора за праздничный стол]

Точно. Сегодня же канун Нового года.

Цзи Яо тряхнул головой и, мгновенно нацепив привычную беззаботную маску, весело проговорил в микрофон:

— Ой, меня зовут ужинать. Надо бежать.

На экране появился короткий ответ:

— Угу.

— Ладно, бывай! И с наступающим тебя! — без намёка на грусть бросил Цзи Яо.

Он закрыл игру, вышел из голосового чата и, перепрыгивая через ступеньки, помчался вниз, к семье.

А на другом конце провода Вэнь Линь медленно снял наушники.

— И тебя с Новым годом, Цзи Яо, — тихо произнёс он в пустоту комнаты.

И горячие слёзы одна за другой покатались по его лицу, срываясь с подбородка.

Бонусная зарисовка

Герцог, едва переступив порог императорского кабинета, застал Его Величество развалившимся на кушетке. Тот увлеченно разглядывал свитки с портретами знатных девиц на выданье.

Вскинув бровь, Герцог хмыкнул:

— Вам мало забав с мужчинами? Решили погубить невинных дев?

Император лениво отмахнулся:

— Вовсе нет. Это я присматриваю невесту для императорского чтеца Вэня. Он уже в годах, пора бы и остепениться.

Герцог скрестил руки на груди и язвительно уточнил:

— И что же, неужто сердце не болит отпускать его?

Тонкие пальцы Императора мерно постучали по лакированному столику.

Он тихо рассмеялся, опустив длинные ресницы, чтобы скрыть вспыхнувший в глазах блеск.

Затем вновь уткнулся в свитки и глухо обронил:

— Отчего же... Мне совсем не жаль.

<http://bllate.org/book/20554/2213542>